

УДК 82.0

Созина Е.М.

Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова

СКИФСКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА

E. Sozina

Sholokhov Moscow State University for Humanities

SCYTHIAN TEXT IN THE WORKS OF I. BUNIN

Аннотация: Автор анализирует ряд стихотворений поэта-реалиста И.А. Бунина и показывает, как скифская тема развивалась в рамках его творчества, какими философско-эстетическими причинами обусловлен переход в трактовке скифства как исторического факта к воспеванию скифов как феномена духа. Исследователь приходит к выводу о надэстетической природе т.н. скифского текста русской литературы и утверждает, что он является выражением духовных и эстетических ценностей русского общества эпохи предреволюционного рубежа.

Ключевые слова: Бунин И.А., скифский миф, скифский текст, «Скифы», скифство.

Abstract. The author analyzes a number of poems of the poet-realist Ivan Bunin and shows how the Scythian theme developed in his work, and what philosophical and aesthetic reasons are behind the shift of Scythians interpretation as a historical fact to the chanting of the Scythians as a phenomenon of the spirit. The researcher concludes that the so-called Scythian text of Russian literature has above-aesthetic nature and argues that it is an expression of spiritual and aesthetic values of the pre-Revolutionary era of Russian society abroad.

Key words: Bunin, Scythian myth, a Scythian text, "The Scythians".

На рубеже XIX и XX веков необыкновенную популярность в русской культуре приобрела тема скифов. Образ скифа возник как возможность национально-исторической самоидентификации для русского человека. При этом представление о скифских первоистоках национальной культуры складывалось на основе соединения «политического и религиозного радикализма, которое было, пожалуй, основным лейтмотивом в русской культуре начала столетия» [1, с. 445]. Поскольку «одной из важных характеристик мироощущения, основанного на мистическом и политическом радикализме, была, условно говоря, «архаизация» культурного сознания» [1, с. 445], проявлявшаяся в актуализации мифотворчества, сложился особый *скифский миф* русской культуры, породивший характеризующийся рядом устойчивых мотивов и образов *скифский текст* русской литературы, который можно выделить в творчестве поэтов Серебряного века.

В данной статье мы обратимся к творчеству Ивана Алексеевича Бунина.

Скифская тема в реалистической поэзии И.А. Бунина нашла оригинальное художественное воплощение. Отголоски скифского мифа можно увидеть в таких его стихах, как «*Открыты жнивья золотые...*» (1900), «*Любил он ночи тёмные в шатре...*» (1901), «*После битвы*» (1903), «*Каменная баба*» (1903 – 1906), «*Без имени*» (1906 – 1911), «*Мушкет*» (1913) и «*В орде*» (1916).

Стихотворение «*Открыты жнивья золотые...*» (1900) представляет собой данное через описание природы воссоздание эмоционального состояния лирического героя, кото-

рое можно охарактеризовать как «душевное состояние, завладевающее человеком как колоссальный по силе порыв, ведущий к стихийно-бессознательным поступкам и отрицанию всяких пределов и границ» [7].

Нигде не названное прямо, оно воссоздаётся читателем через ассоциативное поле: важную роль в стихотворении играют такие понятия, как «простор небес», «поля пустые», «орёл, с дозорного кургана взмахнувший», «прозрачная даль»; поэт рисует образ безграничного пространства, пронизанного захватывающим чувством свободы и завершает стихотворение воспеванием (Как низко, *вольно* и просторно / Степных отав раскинут круг! / И как легко фатой узорной / Плынут два облачка на юг!) [2, с. 114]). Концептосфера данного стихотворения выявляет диалектику воли и свободы в структуре национального сознания, поскольку «воля, отождествляемая со свободой, ассоциируется у русских с небом, полётом, простором, ветром, птицей, пространством, светом, счастьем, жизнью, стихией, раздольем» [7].

Тему воли (вольницы) как константы национального характера поддерживают используемый автором концепт степи, а также образы кургана и всадника:

*И на кургане одиноком,
Сдержав горячего коня,
Степь от заката до востока
В прозрачной дали вижу я* [2, с. 114].

В ином контексте скифский миф проявляется в стихотворении И.А. Бунина «*Любил он ночи тёмные в шатре...*» (1901). Здесь звучит тема обращения к историческим корням. Перед читателем предстаёт образ древнего воина, всадника-степняка, легендарного предка, отмеченного такими чертами, как буйство («страсть буйной мощи») и воинственность («Он за врагом скакал, как испуганный»). Он принимает смерть от скифской стрелы («Стрелюю скиф насквозь его пробил» [2, с. 134]) и находит последнее пристанище в кургане («И там, где смерть ему закрыла очи, /

Восстал курган...» [2, с. 134]). Однако память о нём не погибла – «Нет смерти для того, / Кто любит жизнь, и песни сохранили / Далёкое наследие его» [2, с. 134]. Таким образом, можно говорить о звучащих в произведении ностальгическом мотиве воспоминания о мифологических истоках и узнавания в себе, современном человеке, глубинной связи со своими предками.

Вновь к теме мифологического прошлого И.А. Бунин обращается в стихотворении «*После битвы*» (1903). Здесь обнаруживается другая грань этой темы: вновь на глазах читателя погибает воин, но поэту теперь важно показать, не то, как жизнь его продолжается в памяти потомков – на это, в сущности, мало надежды («Но равнодушно всё вокруг молчало»). Гораздо важнее для автора подчеркнуть соединение героя стихотворения с миром природы:

*И умер он. Окостенел, застыл,
Припав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылем, как мертвою травой.
И муравьи закопошились в них...* [2, с. 154].

В стихотворении возникает характерный «скифский» мотив слияния с природой, растворения в стихии. При этом доминантой пейзажа, на фоне которого разворачивается действие, становится курган. В сравнительно небольшом (двенадцать строк) стихотворении он упоминается дважды, причём оба раза в сильной позиции – в начале и в конце произведения («Воткнув копьё, он сбросил шлем и лег. / Курган был жёсткий, выбитый» [2, с. 154], «И далеко среди полей нагих / Копьё, в курган воткнутое, торчало» [2, с. 154]). Таким образом, можно говорить об отголоске скифского мифа и здесь.

К условно выделяемому нами «скифскому» циклу И.А. Бунина можно отнести и стихотворение «*Каменная баба*» (1903 – 1906). Его тема – языческая интерпретация идеи Человекобога («Не бог, не бог нас создал. / Это мы Богов творили рабским сердцем» [2,

с. 214]). Она не характерна для «скифской» поэзии, но сам мотив переосмысления традиционной духовности и та образная система, в рамках которой решена заявленная тема, представляют собой типично «скифские» характеристики. Мир стихотворения – это мир степи («От зноя травы сухи и мертвы. / Степь – без границ, но даль синее слабо» [2, с. 214]); идол, к которому с восклицанием «О дикое исчадь древней тьмы! / Не тыль когда-то было громовержцем?» [2, с. 214] обращается лирический герой, – скифская каменная баба.

«Скифская» образность возникает и в стихотворении И.А. Бунина «*Без имени*» (1906 – 1911). Вновь мы видим павшего воина и курган – его богатую могилу:

*Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в
руке.*

*Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке* [2, с. 278].

Вновь в стихах И.А. Бунина возникает мотив окрашенного ностальгией воспоминания о мифологических истоках, однако теперь он соединён с темой утраты исторической памяти («Был воин, вождь. Но имя Смерть украла / И унесла на чёрном скакуне» [2, с. 278])

Другую грань скифской темы мы можем видеть в таком стихотворении поэта, как «*Мушкет*» (1913). В нём И.А. Бунин создаёт образ казака Мушкета, который, увидев во сне смерть своего «крестового брата» от рук турок, убивает всю свою семью и уходит в Царьград, где и находит свою гибель.

*Брат зовёт Мушкета в Цареград –
И Мушкет проснулся и заплакал.*

*Встал, жену убил,
Сонных зарубил своих малюток,
И пошёл в туретчину, и был
В Цареграде через сорок суток.*

*И турецкий хан
Отрубил ему башку седую,*

*И швырнули ту башку в лиман,
И плыла она, качаясь, в даль морскую* [2, с. 148].

К действию Мушкета побуждает иррациональное, дионисийское начало (поводом послужил сон). Герой стихотворения архаичен: его поступки не находят объяснения в рамках морали нового времени, но могут быть объяснены с точки зрения характерной для русского средневекового сознания концепции «братолюбия». Известно, что древнерусские писатели избегали использовать для обозначения половых отношений слово «любовь» (хотя такое значение существовало). Даже в разговорном языке, зафиксированном в новгородских берестяных грамотах в случаях, когда современный человек употребил бы именно это слово, человек Древней Руси предпочитал обходиться без него (№ 377, XIII в., «От Никиты к Ульянице. Иди за меня замуж. Я тебя хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат Моисеев») [4, с. 172]. В то же время «самая близкая аналогия божественной любви в древнерусской литературе, земное воплощение её – это любовь братская» [4, с. 87], а «крепкая и искренняя дружба мыслилась сродни братским отношениям. <...> друзья «не разлей вода» закрепляли свою дружбу крестовым побратимством» [4, с. 158], причем «дружеские узы воспринимались как нечто священное и, безусловно, положительное» [4, с. 159], и отношения такого типа обозначались древнерусскими писателями именно словом «любовь» («Имяста же любовь велику и нелицемерну, яко всем дивитися единоумию их и безмерной любви» [6]). Очевидно, такое словоупотребление было следствием нежелания смешивать любовь «высокую» (к Богу или брату/побратиму) с любовью «низкой» (к женщине). С этой точки зрения становится понятен смысл поступка Мушкета – он жертвует низменным ради святого, почему и оказывается, в конечном итоге, оправдан перед лицом Бога: его поход на Царьград описывается как жертвенная мистерия, глаза отрубленной ка-

зачьей головы глядят «к Господу», который утешает казака тем, что «попы его отпели».

Основным мотивом стихотворения является мотив стихии, вырывающейся на поверхность культуры, взрывающей все ограничения.

Этот мотив возникает и в стихотворении И.А. Бунина «*В орде*» (1916). Оно пронизано ощущением глубинной связи с духом своих предков и мотивом окрашенного ностальгией воспоминания о мифологических истоках:

*Ты, девочка, тихая сердцем и взором,
Ты знала ль в тот вечер, садясь на песок,
Что сонный ребёнок, держащий твой тём-
ный сосок,
Тот самый Могол, о котором
Во веки веков не забудет земля?
Ты знала ли, Мать, что и я
Восславлю его, – что не надо мне рая,
Христа, Галилеи и лилий её полевых,
Что я не смиреннее их, –
Атиллы, Тимура, Мамаю,
Что я их достоин, когда,
Наскучив таиться за ложью,
Рву древнюю хартию Божью.
Насилую, режу, и граблю, и жгу города? [2,
с. 360].*

Также здесь прослеживается мотив отказа от христианства, его переосмысления.

Целостность мотивной структуры скрепляет возникающий в стихотворении образ варвара, несущего очистительную бурю в ветхий старый мир. При этом следует подчеркнуть, что сданным образом соотносимы не только упомянутые в стихотворении Атилла, Тимур, Мамай или Великий Могол, но и сам лирический герой, а концепт «степь» носит лейтмотивный характер («За степью, в приволжских песках...» [2, с. 360], «И сладкой отрадой степного, сухого тепла / подуло в лицо твоё...» [2, с. 360], «Погасла за степью слюда» [2, с. 360]).

Таким образом, можно проследить, как в творчестве И.А. Бунина скифская тема эволюционирует от исторических зарисовок к воссозданию «скифства» как духовного феномена современности, к апологии духовного бунта, к «предъевразийскому» контексту и неорхаике.

Всё это позволяет утверждать, что отражение скифского мифа в русской литературе имеет надэстетическую природу, не прикреплено к теоретическим платформам основных течений поэзии Серебряного века, а является выражением общих тенденций духовного и эстетического сознания русского общества эпохи предреволюционного рубежа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобринская Е. «Скифство» в русской культуре начала XX века и скифская тема у русских футуристов // Искусствознание. – №1. – 1998. – С. 445 – 467.
2. Бунин И.А. Стихотворения и переводы. – М.: Современник, 1986. – 527 с.
3. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань: Узорочье, 2002. – 520 с.
4. Долгов В.В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI – XIII веков.: Учебное пособие. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. – 250 с.
5. Дьякова Е.А. Христианство и революция в мирозерцании «Скифов» (1917 – 1919 гг.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Том. 50. – №5. – 1995. – С. 414 – 425.
6. О двою брату, о Тите попъ и Евагрии диаконъ, имевшим между собою вражду. Слово 23. Киево-Печерский патерик [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ИРЛИ РАН [сайт] [2006] – Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4945> (дата обращения: 05.07.2011).
7. Петровых Н. М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании [электронный ресурс] // Известия Уральского государственного университета [сайт] [2008] – Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0024\(01_05-2002\)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0024(01_05-2002)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp) (дата обращения: 08.07.2011).